

А. М. Щерба

Проф. Л. В. ЩЕРБА
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ФОНЕТИКА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

ОЧЕРК
ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ
В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ

ПОСОБИЕ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ФАКУЛЬТЕТОВ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Утверждено Наркомпросом РСФСР

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ИСПРАВЛЕННОЕ И РАСШИРЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ * 1939 * ЛЕНИНГРАД

Предисловие к 1-му изданию

Книга эта выросла из моего более чем двадцатилетнего университетского преподавания студентам-романистам теории и практики французского произношения. Поэтому она является не пересказом существующих иностранных учебников, а индивидуальным построением, вытекающим из моих воззрений на фонетику и ее роль в системе языка. В нее вошли также кроме общезвестных фактов и результаты моих собственных исследований, нигде еще не опубликованных.

Как и мое преподавание, книга построена на систематическом сравнении французской фонетики с русской. Такое построение целиком диктуется не только соображениями общепедagogическими — идти от известного к неизвестному, но и соображениями методики преподавания иностранных языков. Дело в том, что главнейшим препятствием к усвоению правильного иностранного языка вообще и его произношения в частности является родной язык учащихся. Старая методика боролась с ним посредством искусственной изоляции иностранного языка. Но в условиях отсутствия иностранного окружения это не давало и не могло давать желаемых результатов. Поэтому новейшая методика строится на основе сознательного оттапливания от родного языка.

Так как я не могу предполагать ни у своих слушателей, ни у своих читателей знания русской фонетики, то построение книги осложняется необходимостью параллельного изложения двух фонетик.

Наконец третьим обстоятельством, которое определяло построение книги, было отсутствие у нас каких бы то ни было пособий по французской фонетике. Поэтому книга эта должна обслуживать как начинающих, так и продолжающих и даже более или менее знающих язык.

Ввиду всего этого книга вышла может быть несколько трудноватой для начинающих; однако я принципиально считаю неправильным чересчур снижать ее общий тон, так как уровень первых курсов наших вузов растет с каждым годом, и было бы нежелательно, чтобы уровень книги оказался в ближайшем будущем ниже уровня читателей. Дело вузовского преподавателя соответственными разъяснениями приспособить книгу к уровню каждой данной аудитории. Для того чтобы помочь этому делу, все более спе-

циальное напечатано мелким шрифтом или вынесено в подстрочные примечания.

Так как вся система фонетики, вплоть до понятия отдельного звука, построена у меня на семантической основе, и так как я вовсе не считаю фонетику формальной дисциплиной, то я не боюсь начинать изложение ее именно с отдельных звуков (хотя и признаю преимущественную важность в некоторых отношениях синтаксической фонетики). В самом деле, смешно изучать интонацию фразы, не умея произносить понятным образом звуки этой фразы. Это все равно — и даже хуже — что разучивать оперные арии, не поставив голоса. Методически является совершенно неприемлемым что-либо выучивать неправильно с тем, чтобы потом это переучивать. Недооценка важности правильной постановки отдельных звуков зависит от неосознания той роли, которую играет отдельный звук в процессе понимания речи (см. об этом подробнее во введении, отдел А).

Поставить незнакомый звук во фразе и даже в слове совершенно невозможно, так как контроль слуха и мышечного чувства при этом дробится и не может быть сосредоточен на нужных моментах. Кроме того, так как цель коммуникации оказывается достигнутой, как только то или другое слово (а тем более фраза) бывает узнано и понято, то очень трудно сосредоточить внимание на ошибках произношения, которые на практике оказались уже неважными. Дело в том, что самый процесс узнавания в значительной мере покоится на ассимиляции и услышанного тому, что уже имеется в опыте; благодаря этому мы например великодушно слышим в грамофоне знакомый текст, не замечая его провалов, тогда как зачастую прямо-таки не понимаем многих слов незнакомого текста хотя бы и на родном языке. При произнесении же отдельного звука все внимание естественно концентрируется на его качестве и на особенностях его артикуляции. Лишь только когда та или другая чуждая нам артикуляция станет более или менее привычной, можно начинать упражняться в сочетании ее с другими артикуляциями, особенно тоже чуждыми. На строгом и последовательном подборе этих сочетаний построены все упражнения отдела А раздела I второй части.

Само собой разумеется, что здесь разъяснен лишь принцип постановки звуков, на практике же преподаватель как можно скорее должен переходить от отдельного звука к простым фразам, соединяя преподавание произношения с накоплением фразеологии.

Не будучи французом и не живя во французском окружении, я старался в изложении по возможности не опираться на свои старые слуховые впечатления и даже на старые записи, и почти весь французский иллюстративный материал заимствую из авторитетной французской фонетической литературы.¹

В этой связи не могу здесь не вспомнить с благодарностью покойного моего учителя, знаменитого abbé Rousselot, с которым я расхожусь во многих теоретических вопросах, но который чрезвычайно много дал мне для понимания механизма французского произношения. Не могу обойти молчанием и ныне здравствующего P. Passy, курс которого в École pratique des hautes études явился первым толчком для моих занятий французским произношением.

С исключительной благодарностью я должен упомянуть о замечательной книге M. Grammont — *Traité pratique de prononciation française*, с которой я познакомился только в 1925 г. Из этой книги я с одной стороны многому научился, а с другой стороны она во многом подтвердила справедливость домыслов, к которым я пришел в эпоху нашей изоляции, т. е. во время империалистической войны и последовавшей за ней блокады. Наконец, очень полезными для меня были и статьи профессора H. Regnaud в 5-м и 6-м томах *Revue de Phonétique*.

В заключение, несколько слов о том, как я мыслю себе организацию преподавания фонетики французского языка (а в конце концов и любого другого живого языка) в целом, и какова должна быть роль настоящей книги в этом преподавании. Само собой разумеется, что студенты первого курса не могут еще разучивать эту книгу во всем ее объеме: разные тонкости синтаксической фонетики не могут быть им доступны просто из-за незнания языка.

Поэтому на первом курсе я советую им прочитать введение, отдели о гласных, о согласных, о слоговом строении и о соединении звуков в речевом потоке (за исключением конечно мелкого шрифта). С отделом синтаксического членения речевого потока советую ознакомиться лишь настолько, чтобы понять, что такое ритмическая группа и синтагма, а из отдела синтаксической фонетики — изучить только строение простой одночленной и двучленной фразы и интонацию вопроса. Из отдела чередования гласных нужно только понять, что такое *e* пиет, но не заучивать всех правил о нем, так как стиль произношения на первом году

¹ Однако в транскрипциях текстов второй части нотация ритмики зачастую припаддежит мне и без сомнения нуждается в проверке на месте с опытными чтецами.

должен быть максимально четким, и, могут пропускаться лишь те *e*, которые мы пропускаем и в транскрипции (см. об этом § 129).¹ Из отдела чередования согласных следует ознакомиться лишь с принципом „liaisons“. Наконец основательно надо ознакомиться с принципами орфографии и особенно с правилами чтения, изучая по таблице „От буквы к звуку“ на первых порах только нормальное значение букв (это важно для создания правильной перспективы в степени важности различных их значений).

Если учащиеся ведутся по строго „фонетическому методу“, т. е. в течение нескольких первых месяцев не пользуются обыкновенными орфографическими текстами (чему я безусловно сочувствую для лиц, желающих прежде всего овладеть правильным активным языком), то переход от фонетических текстов к обыкновенному письму должен происходить при помощи таблицы „От звука к букве“.

Вообще, первый год должен пройти в основном под знаком „постановки звуков и их сочетаний“ и под знаком упражнений в правильном ритмизировании и интонировании (особенно важно первое) простейших фраз; для первого должны служить фонетические упражнения отделов А и Б раздела I второй части, для второго — упражнения отдела В того же раздела. Кроме того, для развития слуха необходимо постоянно упражняться в фонетической записи на слух несложных фраз в четком произношении (состоящих однако из знакомых слов, для того чтобы эти фонетические диктовки не превратились в упражнения зрительной памяти).

Если основной материал, на котором проходит грамматика и словарь, подается в фонетической транскрипции, то необходимо, чтобы тексты эти разучивались так же тщательно в фонетическом отношении, как и упражнения раздела I второй части.

На втором курсе может быть прочитана уже вся книга, за исключением конечно мелкого шрифта и тех ее мест, понимание которых требует вполне хорошего владения языком. Параллельно могут быть разучиваемы доступные по языку тексты отдела А раздела III второй части, что может начинаться уже и на первом курсе.

Фонетические диктовки (состоящие в общем из незнакомого материала) должны продолжаться, но уже с чередованием полного и разговорного стилей (о стилях см. §§ 21 и 22). Кроме того,

¹ В зависимости от уровня группы можно вводить во втором семестре и элементы разговорного стиля и в связи с этим проходить простейшие правила об *e. muet* (их номера напечатаны жирным шрифтом).

надо упражняться и в транскрибировании нетрудных, но тоже незнакомых текстов, пользуясь правилами настоящего учебника, таблицей „От буквы к звуку“ и фонетическим словарем. Транскрипции должны делаться в разговорном стиле, и особое внимание должно быть обращено на выработку правильной ритмики и интонации, а также на применение правил об *e. muet* и „liaisons“.

Может быть бесполезно будет повторно пройти и упражнении раздела I второй части, но уже в разговорном стиле.

На старших курсах работа должна идти по трем линиям: 1) фонетических диктовок; 2) фонетических транскрипций и 3) разучивания более трудных текстов отдела Б раздела III второй части (все тексты должны обязательно разучиваться наизусть).

Все эти советы относятся конечно к практическому курсу языка, в котором упражнения в произношении должны играть видную роль. Теоретический курс явится увязкой фонетики иностранного языка с общей фонетикой, излагаемой в курсе „Введение в языкознание“, и подытоживанием и теоретическом обобщением и углублением полученных в практическом курсе разрозненных сведений (мелкий шрифт при этом будет играть едва ли не ведущую роль).

Наконец еще одно педагогическое замечание: я обыкновенно не даю переводов цитируемых французских слов и фраз (исключением являются первые четыре главы), так как считаю, что учащиеся должны сами находить их при помощи словаря.

Так как палатогаммы и кимографические кривые служат у меня для иллюстрации сказанного в книге, а не являются средством исследования французского произношения, то я без всяких колебаний дал в них образчики моего французского произношения, хотя вовсе не переоцениваю своих возможностей в этом направлении. Считаю это однако теоретически правильным по следующим соображениям: во-первых, мое произношение является сознательно нормализованным; произношение же французов, которых я мог бы привлечь к исследованию в Ленинграде, едва ли было бы стандартным. Во-вторых, сравнение артикуляций, ввиду зачастую значительных анатомических различий в строении органов у разных людей, строго говоря, возможно лишь у одного, индивидуума, а потому сравнивать русскую и французскую артикуляцию какого-либо звука во всяком случае удобнее всего у одного человека.

Иллюстративная часть книги подготовлена в Лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского университета больше всего с помощью М. И. Магусевич, составившей кроме того значительную

часть упражнений отдела А раздела I второй части и много поговаршей мне при транскрибировании текстов раздела III второй части. Приношу ей здесь мою искреннюю признательность.

В „Приложении“ дана литература предмета, и жирные цифры в скобках при фамилиях цитируемых в тексте авторов отсылают к этой библиографии.

Фонетическая транскрипция всегда заключена в такие кавычки: « ».

Предисловие ко 2-му изданию

В этом издании вся первая часть заново пересмотрена, а частью и переработана, особенно главы II—IV, где значительно расширены фонологические данные, которым первоначально я не придавал большого значения, имея в виду преимущественно практические цели книги. Углублены и рассуждения о составе французских фонем, поводом к чему отчасти послужили работы Martinet (Г, 29) и Gougenheim'a (А, 14).

Прибавлена совершенно новая XIV глава, посвященная принципам французской версификации. В русской литературе почти ничего нет по этой части, и большинство русских людей, даже и знающих французский язык, не имеют ясного представления о французском стихосложении и очень часто не умеют правильно читать французские стихи. В этой главе я не даю полного курса французской версификации, а лишь самые необходимые сведения для понимания ее отличий от русской.

Для иллюстрации большинства губных артикуляций в этом издании любезно согласился сфотографироваться ассистент университета И. С. Лебедев.

Л. Щерба

А. ЗНАЧЕНИЕ ПРАВИЛЬНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ И ЕГО ТРУДНОСТИ

§ 1. Самый предмет настоящей книги требует разъяснений, и может быть больших, чем это на первый взгляд казалось бы нужным. Что в самом деле предлагается здесь изучать, т. е. что в сущности надо подразумевать под „французским произношением“ и в более общей форме — под произношением любого иностранного языка вообще?

Очень часто, когда говорят о трудности или легкости произношения того или иного иностранного языка, то думают в сущности о правилах чтения в данном языке и о количестве исключений из этих правил. Так, английское произношение считается трудным, потому что правила чтения в английском языке очень сложные и научиться механически читать по-английски, не зная языка, в сущности немислимо; наоборот, это представляется до некоторой степени возможным по-немецки, где правила чтения гораздо проще, а потому немецкое произношение считается обыкновенно легким. Однако, хотя французские правила чтения и будут даны в настоящей книге, они вовсе не составляют сущности вопроса о французском произношении.

§ 2. С другой стороны, когда говорят о произношении того или другого языка, очень часто имеют в виду те случаи, когда слова сознательно пишутся не так, как произносятся. По-русски, например, мы говорим *пиши, чижы*, а пишем по историческим соображениям *пиши, чижи*. Далее, мы говорим *красица*, а пишем по этимологическим соображениям в одних случаях *красица*, а в других — *красица*; мы говорим *щастием, эжжечь, виска, лотка*, а пишем по этимологическим соображениям *счастие, сжечь, визг, лодка* и т. п. Аналогичные случаи имеются и во французском языке, и о них тоже будет идти речь в этой книге, но опять-таки не они составляют сущность вопроса о французском произношении.

§ 3. Предметом книги является само французское произношение, совершенно независимо от того, как оно изображается на письме. Дело во французских звуках и способах их сочетать: и те и другие не совпадают с русскими, и им надо научиться, если желательно говорить на подлинном французском языке. Для того чтобы самый вопрос о произношении и значении этого вопроса стали совершенно ясными, необходимо прежде всего понять, что особые трудности кроются даже не в тех звуках, которым нет аналогичных в родном языке учащегося,¹ а как раз в тех, для которых в этом последнем имеются сходные звуки.

В самом деле, мы воспринимаем деревья весьма различной формы и величины как одинаковые, если они относятся к одной и той же породе; мы воспринимаем также как столы очень разные по внешней форме предметы и часто даже вовсе не замечаем их различий. Точно так же мы нормально воспринимаем как свои русские *a, э, с, в* и т. д. — похуже на них иностранные звуки, хотя бы эти последние и значительно отличались от соответственных русских. При этом в большинстве случаев мы даже не замечаем этих различий, так как на первый взгляд нет ни малейшего практического повода обращать на это внимание. Поэтому, изучая иностранный язык путем простого подражания учителю, мы неизбежным образом подставим вместо иностранных звуков соответственные или ближайšie русские в полной уверенности, что мы с большим или меньшим успехом подражаем слышанному. Таким путем и получается то плохое произношение, которое нам часто приходится слышать от иностранцев, коверкающих русскую речь и тоже воображающих, что они более или менее правильно ей подражают.

Совершенно необходимо теоретически, на основании всего сказанного, осознать, что натуральная речь взрослых (у детей, особенно дошкольного возраста, это протекает по-другому), обучающихся иностранному языку путем простого подражания речи учителя, по необходимости является в большинстве случаев² сплошным коверканьем иностранной речи, ее карикатурой. § 4. Не требует конечно доказательства, что в очень многих случаях мы не можем довольствоваться карикатурой иностранной речи, например при публичных выступлениях, когда

¹ Это зависит от того, что звуки эти привлекают к себе наше внимание, и мы, не отождествляя их ни с какими звуками родного языка, так или иначе стремимся их освоить.

² Говорю «в большинстве случаев», потому что есть люди с природным имитаторским талантом, которые очень легко перенимают все возможные особенности чуждого им произношения; но это — единицы.

комическая форма может испортить самое серьезное и хорошее содержание (ибо форма должна всегда соответствовать содержанию). Однако в тех случаях, когда нам нужно только как-нибудь объяснить с иностранцем, и карикатурная речь как будто может сослужить службу: ведь важно только, чтобы нас поняли.

Но оказывается, что коверканье произношения не только комично, но иногда ведет и к непониманию или по крайней мере к замедлению понимания речи. Дело в том, что зачастую мы считаем за один и тот же звук такие иностранные звуки, которые, принадлежа в соответственном языке к разным звуковым типам, способны различать слова. Так например, английское *tail* 'человек' и *tail* 'люди' произносятся по-русски одинаково *тэн*,¹ немецкие *Katze* 'гребень' и *Kat* 'пришел', отличающиеся разным произношением гласного, по-русски произносятся одинаково, как *кам*; французские *saute* 'прыгай' и *sotte* 'дура', отличающиеся тоже только гласным, по-русски оба выговариваются как *сот*; различные французских слов *sage* 'клетка' и *sache* 'прячь' скрадывается в едином русском произношении *каш*. Аналогично этому англичане четыре русских слова *пыль*, *пыль*, *пыль*, *пыль* произносят обязательно одинаково, ибо для них и *и*, *л* и *ль* — лишь вариации одних и тех же звуков, вариации, которых они нормально даже не замечают.

Таким образом оказывается, что подобные ошибки в произношении ничуть не лучше ошибок например в грамматическом роде имен существительных, в падеже и т. п., а зачастую являются даже хуже их, так как мешают осуществлению основной цели языка — коммуникации, т. е. взаимопониманию.

§ 5. Если какой-либо иностранец будет выговаривать *шяр*, *шьяка*, *Шюра*, *Машия*, то это будет только смешно; если же он скажет *стал* вместо *столь* (как это нормально для всякого англичанина) или скажет *колья* вместо *Колья*, *копья* вместо *копья*² (как это действительно постоянно и случается с иностранцами, если их никто специально и разумно не учит русскому произношению), то это будет уже разрушением смысла.³ Совершенно очевидно, что при самых скромных требованиях к устной речи с ошибками второго рода никак нельзя мириться; но не менее

¹ Английское *tail* вовсе не произносится *тэн*, однако отменно и от *тэн*, подобно тому как немного отменно от этого последнего произносятся и *тэй*.

² Дееспричастие от глагола *копиться*.

³ Я предлагаю называть ошибки первого типа ошибками в выговоре, или фонетическими, а вторые — звуко-смысловыми, или фонологическими.

очевидно и то, что мы сами на наш слух не в состоянии судить, какие наши ошибки в произношении делают нас только смешными, а какие мешают нас понимать. Об этом может судить лишь компетентный человек, знающий при этом данный иностранный язык, как родной.

§ 6. Научить не делать грубых звуко-смысловых ошибок во французском языке, а также по возможности не быть смешным, говоря по-французски, т. е. именно научить „французскому произношению“, и стремиться настоящая книга. Как это сделать? Мы видели уже, что путем наивного бессознательного подражания правильной речи учителя это далеко не всегда достигается, так как при этом происходит подстановка на место французских звуков ближайших им русских, и получается таким образом то, что в старину называлось „нижегородским французским“. Следовательно надо прежде всего детально осознать все различия как в отдельных звуках, так и в манере их сочетать, которые существуют между французским и русским языком. Они и будут указаны в дальнейшем.

Но надо сразу сказать, что далеко не так легко услышать все эти различия: для этого надо длительно тренировать свое ухо. Наилучшим средством для этого являются так называемые „фонетические диктовки“, т. е. точная запись звуков чуждого языка специальным, для этой цели приспособленным алфавитом („фонетическим“). Диктующим может быть учитель, а может быть и говорящая машина (граммофон или фонограф), которая неопределенное число раз может повторять одну и ту же фразу абсолютно одинаково.

§ 7. Но конечно мало только услышать различия, надо научиться произносить непривычные нам звуки, надо научиться соединять их друг с другом непривычным для нас образом. Этого конечно гораздо легче будет достичь благодаря контролю уже воспитанного уха; но можно и еще облегчить себе эту задачу, привлекая данные фонетики, науки, изучающей звуки человеческого речи, а также условия их производства человеческого звукопроизводительным аппаратом. Благодаря этой науке можно сказать, какие движения мы делаем нашими органами речи для производства русских звуков, и как надо изменить эти движения, чтобы получить французские звуки.

§ 8. В конце концов можно сказать, что выучиться правильно произносить по-французски — это все равно, что усвоить себе ряд новых непривычных движений, притом так усвоить их себе, чтобы они стали как бы рефлекторными, т. е. привычными, чтобы они совершались при минимуме контроля сознания. Таким

образом изучение того или иного произношения можно уподобить обучению танцам, пению, игре на музыкальных инструментах и т. п. Приходится посредством соответственных упражнений прежде всего развить послушность органов речи, а затем путем бесконечного повторения сделать безусловно для себя привычными движения органов речи, потребные для производства французских звуков и их сочетаний. Начинать приходится с того, чтобы, как говорят, „поставить“ себе отдельные французские звуки, аналогично тому, как в пении „ставят“ голос, и т. п.¹

В. ЧТО ТАКОЕ ФРАНЦУЗСКОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ?

§ 9. Другой вопрос, который требует разъяснений, — это смысл слова „французский“ в применении к произношению. Для того чтобы разобратся в этом вопросе, надо обратиться к социальным корням явлений.

В самом деле, если литературный язык является при всем своем разнообразии безусловно чем-то единым, то этого никак нельзя сказать про произношение. Это справедливо конечно для французского языка так же, как и для русского. В Ленинграде например говорят *немки*, *дефки*, а в Москве говорят (или по крайней мере говорили) *немыки*, *дефыки*; одни говорят *куался*, *чесался*, а другие — *куалса*, *чесалса*; одни говорят *вожжи*, другие — *вожжы*, третья — *вожджи*; одни говорят *кирличный*, другие — *киришный*; одни говорят *таши*, другие *ташии* и т. п. Во французском языке колебаний в произношении во всяком случае не меньше, а скорее гораздо больше.

§ 10. Какому же произношению надо учиться? Очевидно тому, которое сами французы считают наиболее „правильным“. Само собою однако разумеется, что „правильность“ определяется не какими-либо внутренними свойствами самого произношения, а классовыми отношениями, а потому правильным в современной Франции считается произношение французской буржуазии и притом по преимуществу парижской.

Выдающийся современный французский лингвист и фонетик М. Грампонт в своем *Traité pratique de prononciation française* (А, 7) пишет во введении: „все сведущие лица теперь признают, что хорошим французским произношением является произношение

¹ Этим едва ли не впервые у нас стали заниматься по моей инициативе в Лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского университета. В широком масштабе это было применено к английскому языку с привлечением опыта театральной педагогики.

хорошего парижского общества, ядро которого составляют представители старых буржуазных семейств". Знаменитый основатель экспериментальной фонетики, покойный abbé Rousselot пишет во введении к своему *Précis de prononciation française* (A, 4): "французское произношение, которое следует всем рекомендовать—это произношение хорошего парижского общества". Однако многие авторы (а в сущности даже и вышеназванные) предпочитают против чрезмерного увлечения специально парижским произношением. В своей в высшей степени полезной книге *Comment on prononce le français* (D, 4) Matignon пишет в предисловии: "парижское произношение в том или другом случае будет хорошим лишь тогда, когда оно не является исключительно парижским; иначе оно будет просто диалектным. Для того чтобы считать его действительно хорошим, необходимо, чтобы оно было принято по крайней мере в большей части северной Франции".¹

§ 11. Итак, мы тоже будем считать "хорошим", "правильным" язык парижской буржуазии, но не потому, что это язык "хорошего общества", "язык порядочных людей" (см. сноску на этой странице), а потому, что это язык всего севера Франции, потому что и южане, приезжая в столицу, стараются отделаться от своего местного говора, который делает их смешными, как у нас делает смешными наших северян их оканье. Всякое иное произношение, будь то пролетарское, или крестьянское, или интеллигентское, будет всегда чисто местным, продолжая в сущности в той или иной мере, в том или другом отношении, в том или другом виде феодальное разнообразие диалектов.

§ 12. Но если вопрос о том, какое французское произношение следует изучать нам—иностранцам, теоретически решается

¹ Любопытно может быть привести и следующий отрывок из предисловия к недурной книге P. Gelyvrieg — *Précis de phonétique comparée française et anglaise* (A, 12): "Париж — не вся Франция, и язык такой единой культурной страны, какою является Франция, где уже пятьдесят лет преобладают по общему признанию методам преподавателя, назначаемые по конкурсу, не может быть монополией какого-либо одного французского горда, хотя бы это был и Париж. Если этнические и исторические причины и способствовали в определенный момент распространению прекрасного (т. е. парижского. Л. Д.) языка в той или другой провинции, и если и следует иметь в виду определено диалектный характер говора некоторых областей, тем не менее можно сказать, что демократическое распространение образования всех трех ступеней — низшего, среднего и высшего — на все классы населения понемногу все более и более унифицирует во Франции разговорный интеллигентский язык, называвшийся в старину "языком порядочных людей". Здесь нельзя мимоходом не отметить наивного стремления автора замазать классовую сущность явлений."

относительно легко, то практически он все же остается крайне трудным. Во-первых, это произношение в конце концов никем не кодифицировано, и между отдельными исследователями существуют значительные разногласия. Да это и не может быть иначе, ибо все они исследуют действительность, а действительность бесконечно диалектична. Следовало бы сказать, что этой диалектичной действительности мы и должны научиться. Это конечно так, но методически это невозможно. Начинаящему учащемуся нужно дать стандарт, а не что-то такое, что может быть так и иначе. Лишь когда учащийся выучится этому стандарту, ему можно приоткрыть двери в эту калейдоскопическую действительность. Наметьте этот педагогический стандарт — дело нелегкое.

§ 13. Во-вторых, произношение не стоит на месте, а эволюционирует: парижское произношение до войны и после войны не одно и то же.¹

Произошло это повидимому в связи с изменениями в составе парижского населения: убыль его (убытками на войне) пополнилась провинциалами, а в ряды буржуазии кроме того вошло значительное количество так называемых "попечных ищес", т. е. людей, разбогатевших в связи с войной. Но никакие исследования парижского произношения сегодняшнего дня, сколько мне известно, нет, кроме статей Н. Reipot в *Revue de Phonétique* (Г, 24), который свои наблюдения проводил повидимому главным образом среди студенческой послевоенной молодежи. Однако никаких сопоставлений с довоенным положением вещей он не делает. Поэтому приходится пока что держаться традиционных установок и в общем учить сравнительно хорошо разработанному в литературе произношению зрелых поколений, лишь с теми огорками, которые можно сделать на основании уже имеющихся наблюдений.

В. ЧТО ТАКОЕ ЗВУК РЕЧИ?

§ 14. Прежде чем перейти к систематическому изложению предмета настоящей книги, нужно разъяснить одно основное понятие. В самом деле, мы уже неоднократно оперировали понятием отдельного звука речи; между тем это казалось бы простое традиционное понятие на самом деле требует больших объяснений. Более или менее очевидно, что отдельные звуки речи получаются в результате анализа слов данного языка, и что это кратчайшие

¹ Это особенно бросилось мне "в уши", когда я в 1927 г., после 20-летнего промежутка, провёл два месяца в Париже, усиленно посещая театры и производя кое-какие фонетические наблюдения среди студенческой молодежи.

их отрезки, отсечение, прибавление и замена которых могут давать в данном языке другие слова или по крайней мере другие смысловые части слов, например: если у слова *парка* (род. ед.) отнимем конечное *а* — получим *парк* (им. ед.), отнимем *к* — получим *пар*, отнимем *р* — получим *па* (в танцах), отнимем начальное *п* — получим *а* (союз) и т. п. Или, сравнивая друг с другом слова *Шура*, *Мура*, *Фура*, *дура*, *кура*, *Юра*, *Нюра*, мы замечаем, что при общей конечной части *ура* они отличаются друг от друга только началом *ш*, *м*, *ф*, *д*, *к*, *й*, *н*, которые таким образом и выделяются как отдельные звуки речи.

§ 15. Вслушиваясь однако внимательно в произношение звука *ы*, например в словах *корыто*, *быт*, *мыло*, *сыпать*, с одной стороны, и в словах *рыть*, *быть*, *мылить*, *сыль* — с другой, мы можем заметить, что на самом деле он произносится по-разному в этих двух рядах слов. Точно так же мы можем заметить, что в словах *мель*, *сел*, *дед* и т. п. на самом деле мы произносим другое *е*, чем в словах *мель*, *сели*, *дети* и т. п. Первое ударенное *а* в словах *рада*, *сада*, *лаба* и т. п. мы произносим по-другому, чем второе, ударенное, и т. д., и т. д. Однако все эти сходные между собой, но могущие быть различаемыми на слух звуки мы объединяем в русском языке в один звуковой тип *ы*, в один звуковой тип *э*, в один звуковой тип *а* и т. д. И притом так основательно объединяем, что нормально мы даже не замечаем различий этих разных *ы*, разных *э*, разных *а* и т. д. Причина этого лежит в том, что в русском языке все эти разные оттенки наших звуков сами по себе никогда не могут дифференцировать слов или их форм, являясь лишь функцией каких-то других факторов (в первых двух случаях — твердости или мягкости последующего согласного, в последнем — ударенности или неударенности самого гласного). Однако в других языках эти наши оттенки могут выступать и в роли самостоятельных звуков, если только они способны дифференцировать слова. Так, по-французски и по-английски те звуки, которые мы называем разными оттенками звука *э*, оказываются совершенно самостоятельными, отдельными звуками (*grès* и *pré* во французском, *map* и *map* в английском). То же можно сказать и о разных вышеупомянутых оттенках нашего *а*, являющихся в английском языке самостоятельными звуками, и т. д. (ср. также сказанное выше в §§ 4 и 5).

§ 16. Таким образом мы видим, что в живой речи произносится значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить

целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общес (фонема), будем называть оттенками фонем. Среди оттенков одной фонемы обыкновенно бывает один, который по разным причинам является самым типичным для данной фонемы: он проносится в изолированном виде, и собственно он один только и сознается нами как речевой элемент. Все остальные оттенки нормально нами не сознаются как отличные от этого типичного оттенка, и нужна специальная фонетическая дрессировка уха, чтобы научиться слышать их. Для простоты в дальнейшем фонемой будет называться и этот типичный ее оттенок, и лишь когда это будет почему-либо важно, эти понятия будут различаться.

§ 17. Совершенно очевидно с методической точки зрения, что эти типичные оттенки и должны прежде всего изучаться в практической фонетике, так как все остальные оттенки являются исключительно в зависимости от действия каких-либо специальных факторов; с упрощением действия этих факторов все эти оттенки стремятся слиться с типичным оттенком.

§ 18. В словообразовании, морфологии и синтаксисе, а также в словаре оттенки не играют никакой роли, а потому в родном языке мы можем о них даже ничего не знать, ибо они чередуются с типичными оттенками в силу наших артикуляционных привычек: произнести иначе нам просто невозможно без предварительной тренировки (например слово *мель* с *е* из слова *мель*). Но когда мы хотим изучить произношение иностранного языка, то нам приходится изучать и оттенки фонем и правила их чередования с типичным оттенком, ибо у нас не только нет иностранных артикуляторных привычек, но нам приходится еще бороться со своими привычками, которые в большинстве случаев не годятся для иностранного языка.

§ 19. До понятия фонемы бесполезно идти еще и следующим образом. Каждый звук человеческой речи существует, подобно всякому звуку вообще, как некое физическое, механическое явление, т. е. как некое колебательное движение, распространяющееся в той или иной среде, — это физический аспект звука речи.

Но тот же звук, воспринимаемый нашей нервной системой (периферической и центральной), представляет собою уже другой — биологический — аспект явления, который очевидно не только не совпадает с первым, но даже не всегда параллелен ему и во всяком случае находится с ним в весьма сложных функциональных отношениях; например объективное усиление физического

звука воспринимается лишь тогда, когда достигает известного предела, весьма различного в различных местах шкалы слышимых звуков (эти отношения изучаются в так называемой „психофизиологии звука“).

Но очевидно, что существует и третий аспект явления — лингвистический, или, поскольку лингвистика является социальной наукой, — социальный. В самом деле, вопросительная частица *a?*, произнесенная громко или шопотом, басом или дискантом, представляет собой конечно совершенно разные звуки и физически и биологически. Однако с лингвистической, или социальной точки зрения это одна и та же частица, один и тот же звук. Следовательно мы в данном случае в частных явлениях, каковыми являются физически и биологически эти разно произнесенные *a?*, видим нечто общее, которое и утилизуем в целях коммуникации.

§ 20. Чем же определяется это общее? Очевидно, именно коммуникацией, которая является основной целью языка, т. е. в конечном счете смыслом: единый смысл заставляет нас даже в более или менее разных звуках узнавать одно и то же. Но и дальше, только такое общее важно для нас в лингвистике, которое дифференцирует данную группу (скажем разные *a?*) от другой группы, имеющей другой смысл (например от союза *и*, произнесенного громко, шопотом и т. д.). Вот это общее и называется фонемой. Таким образом каждая фонема определяется тем, что отличает ее от других фонем того же языка. Благодаря этому все фонемы каждого данного языка образуют единую систему противоположностей, где каждый член определяется серией различных противоположений как отдельных фонем, так и их групп.

Более углубленное изложение всего этого вопроса, который подан здесь в максимально упрощенном виде, будет дано мною в курсе Общей фонетики, а пока могу сослаться на мое старое исследование *Русские гласные в качественном и количественном отношении* (Записки Истор.-фил. фак. СПб. Унив., СХVI, 1911), где уже есть все основное, но где объективная суть вещей осложнена изложением психологической стороны дела (дальнейшую библиографию вопроса см. в отделе 3 „Приложений“ I).

I. О РАЗНЫХ СТИЛЯХ ПРОИЗНОШЕНИЯ

§ 21. Речь наша не всегда одинакова: она изменяется в зависимости от того, к кому мы обращаемся, в каких условиях мы говорим и с какой целью. Я буду иначе говорить с ребенком, иначе со взрослым; иначе в беседе с одним человеком, иначе в аудитории, обращаясь сразу к нескольким сотням лиц; одно

дело — делиться впечатлениями с товарищами, другое — убеждать малознакомых людей в справедливости своих положений и т. д.

Разные формы речи, приспособленные к разным целям и к разным социальным условиям, называются стилями речи. Разные стили отличаются друг от друга не только лексически и синтаксически, но и фонетически. В соответствии с большим разнообразием социальных условий речи можно различать множество стилей. Мы будем различать для простоты всего два: один — свойственный спокойной беседе людей, и другой — который мы употребляем, когда по каким-либо причинам хотим сделать нашу речь особо отчетливой, для чего мы ясно артикулируем все слоги каждого слова: первый мы будем называть разговорным стилем, а второй — полным, ¹ так как в нем обнаруживаются такие фонетические свойства слова, которые в условиях обыкновенной речи так или иначе скрываются. ² *Я-зы-ка-вь-е а-сб-бе-ни-сти* полного стиля превращаются в *языкавы асббннсти* разговорного.

Подробнее обо всем этом см. мою статью: *О разных стилях произношения* в Записках Неофилологического общества при СПб. Унив., VIII, 1915.

§ 22. В русском языке разница между этими двумя стилями исключительно велика, но и во французском она значительна, как это будет показано ниже. Педагогическая важность полного стиля не подлежит сомнению. Это как раз тот стиль, в котором педагог преподносит своему ученику чуждые этому последнему звуки и их сочетания, стараясь сделать их ему вразумительными. Это тот стиль, в котором учащийся делает свои первые шаги, медленно и спотыкаясь артикулируя непривычные ему слова. К этому стилю относятся все правила графики и грамматики. С него поэтому надо начинать, ³ но не надо думать, что разго-

¹ Проф. Н. Репот этот последний стиль называет силлабическим, так как по-французски при нем особенно ярко выступает слоговая делимость.

² Надо иметь в виду, что наше письмо в основном базируется на полном стиле, а не на разговорном.

³ Инстинктивно все так и поступают. Однако классики фонетической методики в своем увлечении открытым ими (в буквальном смысле этого слова) разговорным стилем хотели начинать с него (см. совершенно замечательную в разных отношениях книжечку Sweet'a *Gesprochene Engliſch*). Но это конечно неверно: нет и не может быть общих правил, как переходить от разговорного стиля к полному (могут быть лишь сопоставления разговорной и полной формы отдельных слов: английское разговорное «tə»||полное «tu:» — *to*); правила же обратные — вполне реальны (ср. например Ушаков — *Русское правописание*, 1917; он же — *Русская орфоэпия и ее задачи* в „Русской речи“, III, 1928; Богородицкий — *Курс русской грамматики*, 1935, отдел о неударяемом вокализме и т. д.).

